

«Литературная газета» 1976, 25 фев №3

В ЯВАНСКОЙ долине открывали канал. Долину в этот солнечный день, казалось, всю можно было охватить взглядом — до тех ее подернутых голубой дымкой далей, что сливались с подножиями гор. Зеленые склоны светились огоньками тюльпанов, а в долине легкий ветер пошевевивал красные полотнища праздничных знамен и лозунгов... Здесь были тысячи людей. Пришли пешком жители ближайших селений. Из Душанбе и других городов и районов приехали на автобусах, на автомашинах. Будто сюда хлынул весь Таджикистан. Играли оркестры, девушки и парни танцевали, пели, а люди постарше терпеливо стояли под палящим солнцем и ждали.

Долину, будто мечом, рассек ровный длинный канал. Но земля на его стенках и на дне была еще сухой и раскаленной, как всюду вокруг. Канал ждал воду. Воду ждала вся долина, весь Таджикистан ждал воду Яванского канала. Потому что здесь каждый понимал: эти богатейшие, но знойные, трескающиеся от жары земли могут дать сказочный урожай, если их напоить водой. В надежде на близкую воду уже планировали посевы хлопчатника, мечтали о виноградниках и садах.

Я подошел к берегу канала, заглянул в еще пустую-

Афанасий САЛЫНСКИЙ

ЖИВАЯ ВОДА

щее русло. Много людей было рядом со мной. Среди других в глаза мне бросилась несколько странная группа: двое молодых людей — мужчина и женщина — вели под руки не очень твердо ступавшего старика.

— Будем стоять здесь, муаллим, — сказал по-русски молодой человек.

Я понял, что его русская речь в некоторой мере обращена и ко мне и является своего рода данью вежливости. По костюмам молодого человека и его спутницы трудно понять: деревенские ли они жители или приехали из города — и в городах, и в кишлаках Таджикистана я видел одинаково хорошо одетых людей. Но вот одежда старика, высокого, еще статного, с небольшой седой бородкой, говорила о том, что он сельский житель. Я всмотрелся и понял, что старик

слепой. Он улыбался, лицо его, казалось, вбирало все — и свет солнца, и звуки оркестра, и веселье огромной толпы. Так трепетно жила на лице каждая морщинка!

Подошел какой-то шустрый лысый человек в халате и тюбетейке, и тоненько хихикнул, и, взмахнув руками, что-то спросил по-таджикски. Старик повернулся к шустрому лицом, видимо, узнал его по голосу и сдержанно-тихо отзвонил.

Мы успели познакомиться, и поэтому, когда шустрый отскочил, я спросил у спутников старика:

— О чем с ним говорили?

— Этот глупец спросил, зачем приехал сюда муаллим, что он здесь делает. Муаллим ответил: «Я приехал смотреть канал».

Он приехал смотреть канал...

Среди ликующих лиц, ко-

торые запомнились мне, не затерялось в памяти сосредоточенное, трепетное лицо старика. Тогда мы с ним разговаривали о жизни — она у него была долгой и трудной, рассказывать было о чем, как вдруг он прервал себя, по-особому насторожился и сказал одно только слово:

— Вода...

Я глянул вниз и сначала ничего не заметил — русло было сухим. Лишь спустя несколько секунд на песчаное днище накатилась первая слабая волна. Может быть, старик услышал воду или сердцем почувал ее приближение. Ведь он всю свою долгую жизнь мечтал о воде.

Множество праздничных, веселых людей толпилось по берегу канала. Кричали, обнимались, бросали в воду, которая шла все сильней, белые монетки...

Вспоминаю этот день и думаю о счастье, о том, как объединяют людей большая надежда и трудовая удача. Ведь эта долина веками лежала под палящим солнцем и была почти бесплодной. Но пришли сюда решительные и добрые люди, коммунисты, и долина ожила. Вместе со стариком, который теперь казался мне зрячим, вместе с многими людьми, стоявшими на берегу канала, я волновался, и трудно было сдерживать слезы радости...

173